

0732840-1
КАЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

им. В.И. Ульянова-Ленина

На правах рукописи

Губайдуллина Алсу Рустэмовна

**ИССЛЕДОВАНИЕ ЯЗЫКА “СЭХЕТНАМЕ” И
ЭПИСТОЛЯРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ ФАТИХА КАРИМИ
(конец XIX – начало XX вв.)**

10.02.02 – Языки народов Российской Федерации
(татарский язык)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Казань – 2002

Диссертация выполнена на кафедре восточных языков
Института востоковедения Казанского государственного университета
им. В.И. Ульянова-Ленина.

Научный руководитель: доктор филологических наук,
профессор **Зайнуллин Г.Г.**

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор **Баширова И.Б.**
кандидат филологических наук
Кадырова Э.Х.

Ведущая организация: Башкирский государственный
университет

Защита диссертации состоится 23 января 2003 года в 14 ч. 00 м. на
заседании диссертационного совета Д 212.081.12 в Казанском
государственном университете по адресу:

420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18, второй корп., ауд. 1112.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Н.И.
Лобачевского Казанского государственного университета.

Автореферат разослан 18 декабря 2002 года.

Ученый секретарь диссертационного совета,
доктор филологических наук, профессор

Гарифуллин В.З.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Конец XIX- начало XX вв. является периодом становления норм современного татарского литературного языка, который, являясь синтезом старых традиций и новых преобразований, органически сочетает в себе общетюркские и татарские книжные варианты с народно-разговорными особенностями. Основываясь на живой разговорной речи народа, литературный язык развивается в новом направлении и подвергается изменениям, в лексическом, фонетическом и грамматическом аспектах. Изучение отдельных периодов развития литературных языков в различных аспектах приобретает особо важное значение в настоящее время. Татарский литературный язык, имеющий многовековую письменную традицию, имеет единые языковые нормы и богатые стилевые разновидности. В развитии и обогащении литературного языка большая роль принадлежит просветителям, ученым и писателям.

Исследованию истории татарского литературного языка и языка художественных, научных и публицистических произведений посвящены труды Л. Заляя, Э.Р. Тенишева, М.З. Закиева, Д.Г. Тумашевой, В.Х. Хакова, Г.Ф. Саттарова, Ф.М. Хисамовой, С.Ш. Поварисова, Х.Р. Курбатова, Ф.С. Фасеева, Ф.С. Сафиуллиной, И.Б. Башировой, М.Г. Мухамадиева, Ф.Ш. Нуриевой, А.Х. Алеевой, Р.З. Мухаметрахимовой, Х.Х. Кузьминой А.И. Исламовой, Г.Р. Газизовой, Ф.Ф. Гилемшина, Г.А. Камалетдиновой, А.Р. Халиуллиной, Р.Т. Юзмухаметова и др.

К настоящему времени сохранилось значительное количество старотатарских литературных памятников и их исследование привлекает все большее внимание ученых, работающих в области татарского языкознания. К числу литературных памятников конца XIX - начала XX вв. относится творческое наследие Фатиха Карими, выдающегося просветителя, прозаика, журналиста, публициста, педагога, ученого, общественного деятеля.

Язык любого писателя изучается как свидетельство состояния языка его эпохи, и как определенное историческое звено в развитии и обогащении литературного языка. С этой точки зрения изучение языка произведений Ф. Карими является актуальным. Его творческое наследие еще не получило глубокого и всестороннего исследования и изучение творчества Ф. Карими только начинается. В настоящее время имеется достаточно много работ о его литературной и общественной деятельности. Это труды М.Х. Гайнуллина, Я.Г. Абдуллина, Б.Ф. Султанбекова, Х. Хисматуллина, И.Р. Тагирова, М.С. Магдеева, А.Г. Каримуллина, Ф.М. Мусина, Р.И. Нафигова, М.А. Усманова, М.Г. Гайнетдинова, Дж. Миннуллина и др. Однако, до сих пор остаются не исследованными его художественные и эпистолярно-публицистические произведения с лингвистической точки зрения. Защищена одна кандидатская диссертация на тему "Лексико-семантические и стилистические особенности

художественной прозы Фатиха Карими” Г.Р. Газизовой¹. Вопросы, касающиеся языковых и стилевых особенностей творчества Ф. Карими частично отражены в работах В.Х. Хакова² и И.Б. Башировой³.

В нашей работе впервые исследуется язык “сэяхетнаме” и эпистолярно-публицистических произведений Ф. Карими и анализируются лингвистические особенности татарского литературного языка конца XIX - начала XX вв.

Цель и задачи исследования. Целью данной диссертационной работы является лингвистическая характеристика “сэяхетнаме” (жанр путевых записок) и эпистолярно-публицистических произведений (“Мактубов” или писем) Фатиха Карими. Для достижения намеченной цели необходимо было решить следующие задачи:

1. Изучить состояние норм и стилей татарского языка конца XIX - начала XX вв.
2. Определить место и роль Ф. Карими в истории развития татарского литературного языка.
3. Описать графо-фонетические особенности, характерные для языка “сэяхетнаме” и эпистолярно-публицистических произведений Ф. Карими.
4. Дать лингвистический анализ грамматических (морфологических) особенностей языка произведений.
5. Провести лексико-семантический анализ тюрко-татарской лексики и арабо-персидских и западноевропейских заимствований в языке произведений писателя.
6. Определить наиболее часто употребляемые стилистические средства языка в произведениях Ф. Карими.
7. Выявить индивидуально-языковые особенности “сэяхетнаме” и эпистолярно-публицистических произведений Ф. Карими.

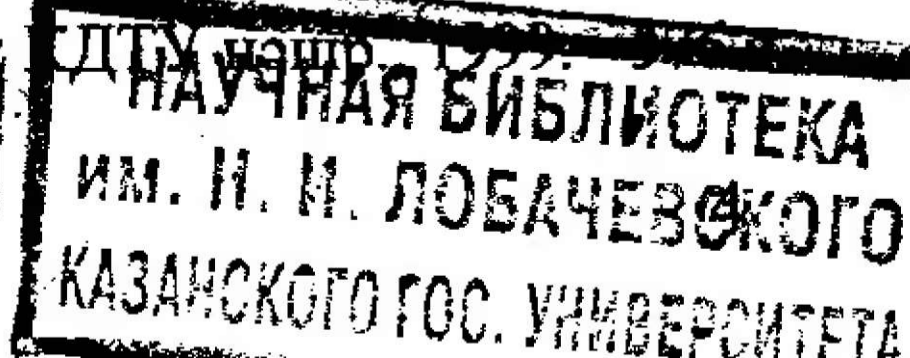
Объект исследования. Объектом нашего исследования являются следующие произведения Фатиха Карими:

1. *ياوروپا سياحتنامەسى* – СПб: типо-лит., И. Бораганскаго и К°, 1902.- 192 с. “Йаурупа сэяхетнамэсе” (“Путешествие в Европу”).
2. *قىرىمە سياحت* – Оренбург: Ф.Г. Каримов матбагасы, 1904.- 117 с. “Кырыма сэяхэт” (“Путешествие в Крым”).
3. *استانبول مکتوبلىرى* – Оренбург: “Вақыт типографиясе, 1913.- 452 с. “Истанбул мактублэре” (“Письма из Стамбула”).

¹Газизова Г.Р. Лексико-семантические и стилистические особенности художественной прозы Фатиха Карими: Автореф. дис... канд. филол. наук. - Казань, 2002.-22с.

²Хаков В.Х. Развитие татарского национального литературного языка и его стилей. - Автореф. дис... докт. филол. наук. - Алма-Ата, 1971. - 59 с.; его же. Татар эдэби теленең совет чорында үсеше (20-30 еллар). - Казан: КДУ, 1985. - 150 с.

³Баширова И.Б. Татар эдэби теле тарихы: XIX гасыр ахыры – XX йөз башы (исем категорияләре һәм фигыль наклонениеләрендә эдэби норма, норма вариантлыгы һәм функциональ – стилистик вариантлылык). – Казан:

Все исследуемые произведения написаны прозой и носят дневниковый характер, т.е. характер путевых записей, называемых “сэяхетнаме”.

Произведение “Йаурупа сэяхетнамэсе” посвящено поездке Фатиха Карими и Шакира Рамиева (хозяина золотых приисков Урала) в Европу. Произведение “Кырыма сэяхэт” содержит впечатления о путешествии автора по городам Крыма. В этих произведениях Фатих Карими описывает свои наблюдения, впечатления, пережитые им события во время этих поездок. Произведение “Истанбул мактублэре” написано в эпистолярно-публицистическом жанре (в жанре писем). В 70 письмах автор рассказывает о событиях, происходивших во время Балканской войны. Все три книги находятся в научной библиотеке КГУ в отделе редких книг.

Научная новизна заключается в том, что в работе впервые в татарском языкознании подвергнуты системному лингвистическому анализу графо-фонетические, морфологические, лексико-семантические и стилистические особенности жанра “сэяхетнаме” и эпистолярно-публицистических произведений Фатиха Карими. Также в работе определены место и роль писателя в развитии татарского литературного языка, рассмотрены индивидуальные особенности его творчества. В процессе сравнительного анализа языковых особенностей исследованных произведений на всех уровнях языка (в фонетике, морфологии, лексике) выявлено: 1) что все исследуемые произведения написаны письменно-литературным татарским языком своего времени; автором активно использованы книжно-традиционные общетюркские языковые формы и широкий спектр арабо-персидских заимствований; 2) в отличие от предыдущих этапов классического старотатарского языка, в конце XIX – начале XX вв. автор пользуется разными вариантами классического письменно-литературного татарского языка: “сэяхетнаме” написаны, в основном, джадидо-османским вариантом, а в “мактубах” (письмах) автор, в основном, употребляет литературно-татарские языковые формы, основанные на народно-разговорном варианте.

Методологической основой исследования являются разработки таких ученых-лингвистов и литературоведов, как В.В. Виноградов, А.Н. Кононов, Э.Р. Тенишев, Э.Н. Наджип, Н.А. Баскаков, Л. Заляй, М.А. Щербак, М.З. Закиев, Д.Г. Тумашева, Т.Н. Галиуллин, В.Х. Хаков, Ф.М. Хисамова, Р.К. Ганиева, Г.Ф. Саттаров, Х.Ю. Миннегулов, Ф.А.Ганиев, Х.Р. Курбатов, Г.Г. Зайнуллин, И.Б. Баширова и другие.

Методы научного исследования. При исследовании языка “сэяхетнаме” и эпистолярно-публицистических произведений Фатиха Карими были использованы описательный, сравнительно-исторический, статистический методы; лексико-семантический, фонетико-грамматический, сопоставительный анализы.

Практическая значимость заключается в том, что язык рассматриваемых произведений Ф. Карими является богатейшим фактическим материалом для исследования истории развития татарского литературного языка, выводы и положения могут быть использованы преподавателями в высших учебных

заведениях на лекционных курсах и практических занятиях по истории татарского литературного языка, исторической грамматике, стилистике.

Апробация работы. По материалам диссертации были сделаны доклады на ежегодных итоговых научных конференциях КГУ в 1999-2002 гг. и на международной научно-практической конференции “Актуальные проблемы сопоставительного языкознания и межкультурные коммуникации” (г. Уфа, 1999). Основные положения исследования нашли отражение в шести публикациях, две из них находятся в печати.

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы и приложения.

Во введении обосновывается выбор темы, ее актуальность, научная новизна, определяются методы, методология, практическая значимость, а также цель и задачи исследования.

В первой главе излагается историческая обстановка и языковая ситуация в конце XIX и начале XX вв. и анализируются графо-фонетические особенности его произведений.

Известно, что конец XIX – начало XX вв. является особенно сложным периодом в развитии не только национального самосознания, общественно-эстетической мысли, истории, литературы татарского народа, но и его литературного языка, так как он является переходным этапом “...от старотатарского тюрки к новотатарскому национальному литературному языку”, где тесно переплетались веками продолжающиеся письменно – традиционные нормы классического старотатарского языка и общеразговорные формы татарского народа.¹ Начинается интенсивное изучение татарского языка, создаются учебники, руководства, исследуется звуковой состав, лексический и грамматический строй языка, составляются словари.

Огромная заслуга в выработке и утверждении норм татарского литературного языка принадлежит поэтам (А. Каргалый, Ш. Заки, Х. Салихову и др.), ученым просветителям и писателям (К. Насыри, А. Курмаши, М. Акджигиту, З. Бигиеву, Р. Фахретдинову, З. Хади, Ф. Карими и др.), драматургам (Г. Ильяси, Ф. Халиди, Г. Исхаки, Г. Камалу и др.), которые в своих произведениях органически сочетали богатство народной речи с элементами классического письменного языка.²

Одним из выдающихся представителей интеллигенции периода возрождения является Ф. Карими, который оставил после себя богатое творческое наследие, создал художественные, публицистические произведения, обновил эпистолярный стиль и особый жанр “сэхетнаме” путевые очерки. В своих произведениях писатель

¹Баширова Н.А. Татарский литературный язык конца XIX - начала XX века: литературная норма, вариативность нормы и функционально-стилистическая вариативность, в категориях имени существительного и наклонения глагола: Автореф. дис... д-ра филол. наук. - Казань, 2000. - С. 27.

²Хаков В.Х. Татар милли әдәби теле һәм аның стильләре үсеше (XIX йөзгә икенче яртысы – XX йөз башы): Филология фәннәре доктор исеме алу өчен язылган диссертация. – Казан-Алма-Ата, 1970. – 890 с.

использовал богатейший литературный язык в сочетании с народной речью. О жизни писателя, литературной и общественной деятельности, о его окружении подробно освещено в научно-биографическом сборнике, изданном в 2000 году.¹

Литературный язык этого периода представляет собой нормированный и усовершенствованный язык, вобравший в себя самые распространенные понятные народу варианты языковых явлений и использующий богатые внутренние возможности общенародной речи.

В графо-фонетике дается описание системы вокализма и консонантизма; рассматриваются соответствия и несоответствия с современным татарским литературным языком.

Произведения Ф. Карими были адресованы (посвящены) разному читателю, поэтому, графо-фонетические особенности “сэхетнаме” “Йаурупа сэхетнамәсе”, “Кырыма сэхәт” и “Истанбул мәктүбләре” имеют сходства и различия. Перечислим общие графо-фонетические черты изучаемых произведений.

1. Исходя из графики текстов произведений можно выделить следующую систему гласных, состоящую из девяти фонем [a], [ä], [u], [ü], [o], [ö], [i], [e], [i], которые обозначаются на письме четырьмя знаками арабской графики: ا, ا, و, ي и их комбинациями.

1.1. Буква ا (алиф с маддой) в абсолютном начале слова передает звук [a]: آدم *adäm* (А.с. 125)² ‘человек’, از *az* (К.с. 16) ‘мало’, انلر *anlar* (И.м. 2. 9) ‘они’, اقچه *aqça* (И.м. 54. 344) ‘деньги’.

1.2. Буква ا (алиф без мадды): а) передает звуки [a] и [ä] во всех позициях: اوروپا *Avrupa* (А.с. 88) ‘Европа’, اهل *ähel* (А.с. 55) ‘народ’, بارالr *baralar* (И.м. 65. 308) ‘идут’; б) передает звуки [i], [i], [e], [o], [ö] в начале слова: اسلام *islam* (А.с. 55) ‘ислам’, انسان *insan* (И.м. 70. 440) ‘человек’, اشانوب *išanub* (И.м. 32, 201) ‘доверяя’, اش *eš* (И.м. 27, 165) ‘дело’, الوغ *oluğ* (И.м. 38, 233) ‘великий’; امید *ömed* (И.м. 61, 380) ‘надежда’.

1.3. Буква و, ا) служит для передачи [a] и [ä] в середине и в конечной позиции слова, : محاکمه *möxäkämä* (К.с. 44) ‘судебное разбирательство’, ماشينه *mašina* (А.с. 100) ‘машина’, فائده *fajda* (И.м. 41, 252) ‘польза’, تلهسه *teläsä* (И.м. 51, 322) ‘если захочет’, همه سيده *hämäsädä* (И.м. 41, 254) ‘все’, ايدهن *idän* (И.م. 30, 182) ‘пол’; б) в служебных частях речи, обычно в конечной позиции слова передает звук [i]: اگلاشلدی که *ağlaşıldı ki* (И.м. 1, 5) ‘и стало понятно’, خالبوکه *xälbüki* (И.м. 50, 315) ‘тогда как’, چونکه *çönki* (И.м. 4, 19) ‘потому что’.

1.4. В середине и в конце слова звуки [o], [ö], [u], [ü], [i], [e] передаются буквой و: طورا *tora* (И.м. 46, 297) ‘живет’, بوگا قارشو *boğa qarşı* (И.м. 38, 233), ایتوب

¹Карими Ф. Научно-библиографический сборник. – Казань: Рухият, 2000. – 320 с.

²Названия исследуемых произведений Ф. Карими представлены начальными буквами слов: (А. с.) – “Йаурупа сэхәтнамәсе”, (К. с.) – “Кырыма сэхәт”, (И. м.) – “Истанбул мәктүбләре”. Цифры, стоящие рядом с буквами, для (А. с.) и (К. с.) означают номер страницы. Для (И. м.) цифры, стоящие рядом с буквами, означают номер “мактуба” (письма), следующие цифры – номер страницы.

itüb (И.м. 53, 335) 'сделав', *kön* (И.м. 46, 297) 'день', *qujulmish* (К.с. 66) 'поставленный'; сочетание *او* передает в начале слова [o], [ö], [u], [ü]: *اورنبورغ Orenburg* (А.с. 50) 'Оренбург', *östöndä* (А.с. 92) 'на', *uturmaq* (А.к. 66) 'который сидел', *üze* (И.м. 42, 262) 'сам'.

1.5. Сочетание *ى* с *ا* (алифом) в начале слова передает гласные [i], [e], [o], [ö]: *ايكى ike* (А.с. 153) 'два', *eçendä* (А.с. 152) 'внутри', *eçmäk* (А.с. 134) 'пить', *öçön* 'ради' (А.с. 152), *orişu* (И.м. 20, 126) 'ругать', в середине и в конце слова *ى* передает звуки [i], [i̇], [i], [e]: *tanidi* (А.с. 188) 'узнал', *yarisi* *jarisä* (А.с. 135) 'подходящий', *bişär* (А.с. 14, 85) 'по пять', *hazi* (И.м. 3, 13) 'паломник', *eşläre* (К.с. 4) 'его дела'.

2. В графике текстов отсутствует следование какой-либо одной письменной традиции (уйгурской или арабской).

2.1. Графическое отображение неогубленных гласных (уйгурская традиция): *kigän* (И.м. 53, 340) 'он одел', *aşagan* (И.м. 448) 'он поел' *jazub* (А.с. 68) 'написав', *qatı* (А.с. 102) твердый.

2.2. Графическое неотображение неогубленных гласных (арабская традиция): *qiz* (А.с. 144) 'девушка', *bezem* (К.с. 51) 'наш', *ber* (А.с. 72) 'один', *qirim* (К.с. 38) 'Крым', *keşeneç* (И.м. 24, 145) 'у человека'. Как видно из примеров, звуки [i̇], [e] редуцированы, что характерно для поволжского ареала тюркских языков.¹ Редуцированные [i̇], [i], [e] зафиксированы также в языке деловых бумаг XVIII в.²

2.3. Раздельное (уйгурское) и слитное (арабское) написание аффиксов, некоторых послелогов: *xalıqnıç* (И.м. 17, 111) 'народа', *Istanbuğa* (И.м. 34, 336) 'в Стамбул', *niçön* (К.с. 18) 'почему', *ğailäseilä* (А.с. 47) 'вместе с семьей'.

Прослеживаются особенности написания, возникшие под влиянием уйгурско-карлукской и огузской традиций, например: а) нормативное фонетическое оглушение конца слова не отражается на письме: *varub* (А.с. 102) 'сходив', *aitub* (صرف) *sarif* *itüb* (И.м. 64, 395) 'заплатив'; *sağ* (اولگن) *ulıñiz* (К.с. 47) 'будьте осторожны'; не уподобляются по глухости и звонкости аффиксы исходного и местно-временного падежей, прошедшего категорического времени: *tormağdan* (А.с. 145) 'от жития', *kildekdä* (А.с. 47) 'когда он пришел', *äptikdäge* (И.м. 34, 336) 'в аптеке', *tabdim* (И.м. 34, 336) 'я нашел'; *işetdem* (И.м. 15, 84) 'я услышал'.

2.4. В текстах исследуемых произведений наблюдаются случаи небной гармонии: *sugış* (К.с. 92) 'война', *açiq* (А.с. 36) 'открытый', *koğları* *künelläre* (К.с. 46) 'их настроение', *täşkil itü* (А.с. 74) 'составлять', *koronob*

kürünüb (А.с. 29) 'виднеясь'; губной гармонии: *ulub* (А.с. 108) 'бывая', *bötön* (А.с. 74) 'весь'.

3. В языке исследуемых произведений используются следующие согласные звуки, передаваемые арабскими знаками: *b* - ب; *p* - پ; *m* - م; *w* - و; *v* - و, و; *f* - ف; *t* - ت, ط; *n* - ن; *z* - ذ, ز, ض, ظ; *z* - ج; *ž* - ز; *d* - د; *s* - ث, س, ص; *š* - ش; *ğ* - غ; *g* - ك, گ; *ç* - چ; *l* - ل; *r* - ر; *k* - ك; *q* - ق; *ŋ* - ك, گ; *j* - ي; *x* - ح; *h* - ه; ' - ء.

Во всех изучаемых произведениях автор широко использует огузские языковые особенности. Однако наиболее ярко эти особенности проявляются в "сэяхетнаме" – "Йаурупа сэяхетнамесе", "Кырыма сэяхэт". В языке произведения "Истанбул мәктүбләре" превалируют кыпчакские формы. На основании этого внесены некоторые отличия фонетических систем "сэяхетнаме" и эпистолярно-публицистических произведений Ф. Карими:

1. Начальный звук [m] характерен для кыпчакской группы современных тюркских языков (употребляется в языке произведения "Истанбул мәктүбләре"): *min* (И.м. 6, 31) 'я', *monı* (И.м. 69, 395) 'этого', *küçmä* (И.м. 53, 337) 'переходный', в огузской группе [m] заменяется по большей части согласным [b] (используется в "сэяхетнаме") *bän* (К.с. 29), *bonı* (К.с. 23), *küçbä* (К.с. 39).

2. В языке "сэяхетнаме" в анлауте звук [v], свойственный огузским языкам, передается буквой *و*: *vireliür* (А.с. 70) 'будет даваться', *vardıq* (А.с. 86) 'мы ходили', *vardır* (А.с. 139) 'есть'. В "Истанбул мәктүбләре" эти формы слов даются в кыпчакском варианте: *bireliür*, *bardıq*, *bardır*.

3. Употребление [d] вместо [t], характерное огузским языкам, наблюдается в анлауте слов произведений "Йаурупа сэяхетнамесе" и "Кырыма сэяхэт": *dügender* (А.с. 164), 'не', *döşörelmeşder* (А.с. 107) 'изображен (его рисунок)', *dörlö* (К.с. 8) 'разный'. В "Истанбул мәктүбләре" в начальной позиции слов употребляется [t]: *törlö* (И.м. 14, 89) 'разный', (قورقوغه) *töşöräder* (И.м. 15, 94) 'пугает', *töşsä* (И.м. 28, 166) 'если упадет'.

Исследование графо-фонетических особенностей выявило, что в языке произведений Ф. Карими наблюдаются традиции старотатарского литературного языка, обнаруживаются особенности огузской группы тюркских языков, а так же прослеживается арабское и персидское влияние.

Вторая глава посвящена исследованию морфологического строя языка произведений Ф. Карими. Анализируются такие части речи как имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение, глагол, наречие, а также служебные части речи.

1. Имени существительному в языке произведений присущи следующие грамматические категории: категория числа, определенности – неопределенности, склонения, принадлежности. Указываются способы образования имен существительных.

¹Щербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков. - Л.: Наука, 1970. -204с.

²Хисамова Ф.М. Традиции средневековых тюркских памятников в татарской деловой письменности XVII – XVIII вв. //Языкознание: Тез. докл. – Ташкент: Фаң, 1980. – С.56, 57.

1.1. В исследуемых произведениях также, как и в фонетических конструкциях письменных текстов старотатарского языка для обозначения множественности употребляется один вариант аффиксов: *-lar/-lär*. Например: *aşxanälär uram tulï* (И.м. 23, 137) 'улицы полны столовых' *härdörlö niğmät wä şärablär ilä güzäl uğlanlar wä qızlar* (А.с. 136) 'различные удовольствия и напитки, прекрасные юноши и девушки', *bijök ağaçlar* (К.с. 72) 'высокие деревья' Также используются "заимствованные способы" выражения множественного числа, а именно: а) "арабское ломаное множественное", б) с помощью аффикса *-at*. Примеры: а) *äl – ärwax* (А.с. 43) 'души', *äfkjär* (К.с. 72) 'мысли'; б) *kämälät* (К.с. 75) 'дополнения', 'добавки' *mäğlumat* (К.с. 94), 'знания', 'сведения. В татарском языке иногда к некоторым таким словам присоединяется аффикс *-lar/-lär* и значение слова приобретает двойственную множественность: *ärwax - ärwaxlar*, *xödüd - xödüdlär* в произведениях Ф.Карими встречаются параллельные варианты обеих форм множественного числа: *xajwanat* (А.с. 132), *xajwanatlar* (А.с. 132).

1.2. Категория падежа представлена шестью падежами: основной или именительный, родительный, винительный, дательный, местно-временной, исходный. Наблюдения за системой склонения имен существительных, получившей отражение в языке произведений Ф.Карими, свидетельствуют о том, что в основе его произведений "Йаурупа сәяхәтнамәсе" и "Кырыма сәяхәт" а) в родительном; б) винительном; в) дательном падежах использованы огузские формы. Параллельное употребление аффиксов кыпчакского и огузского типов фиксируется лишь в родительном, реже в винительном падежах: а) *bonların mäszedläre* (К.с. 49) 'мечети этих [людей]', *Grand otel Parižin in bijök mösafirxanäse* (А.с. 102) 'Гранд-отель самая большая гостиница Парижа', *qirim tatarlarınin ber qijisme* (К.с. 52) 'одна часть крымских татар'; б) *gazetasini kesäsenä qujub* (А.с. 68) 'положив свою газету в карман', *dönjaji jaqturtmiş* (К.с. 117) 'осветивший мир', *atni baqijur* (А.с. 68) '[он] смотрит [на] лошадь'; в) *bijök mäszedä varduq* (А.с. 51) 'ходили в большую мечеть', *mösafirxanäjä vardiq* (А.с. 102) 'посетили гостиницу', *täxetä çiqdiqlari* (А.с. 25) 'их восшествие на престол'. В произведении "Истанбул мәктүбләре" а) в родительном; б) винительном; в) дательном падежах употребляются кыпчакские формы, свойственные западно-кыпчакским языкам: а) *Istanbulniñ mägruf advokatlari* (И.м. 28, 178) 'известные адвокаты Стамбула'; б) *balalarni tärbijä itü xatunnin üzenä qalğan* (И.м. 44, 270) 'женщине оставалось самой воспитывать детей'; в) *künelgä xäzin* (И.м. 53, 337) 'печально душе'.

1.3. Аффиксы принадлежности единственного числа совпадают с аналогичными формами современного татарского языка. Аффиксы принадлежности 1-го лица мн. ч., в отличие от современного татарского литературного языка, для которого характерны формы *-ibiz/-ebez*, в текстах произведений представлены огузскими формами *-imiz/-emez*: *waqitimiz* (А.с.5) 'наше время', *bäxetemez* (И.м. 54, 344) 'наше счастье'.

В языке памятника зафиксирован морфологический способ образования существительных, представленный аффиксами: *-çi/-çe*: *julçi* (И.м. 4, 18) 'путник',

igençe (К.с. 38) 'земледелец'; *-liq/-lek*: *kiñäşlek* (А.с. 62) 'совет', *baqçaçılıq* (К.с. 38) 'садоводство', *könlek (eş)* (К.с. 23) 'дневная работа', *jäşellek* (К.с. 39) 'зелень', *eşsezlek* (К.с. 14) 'безработица'; *-ma/-mä*: *uturma* (А.с. 65) 'посиделки', *basma* (А.с. 27) 'ступень'.

2. Имя прилагательное имеет те же степени сравнения, и имя числительное характеризуется теми же разрядами, что и в современном татарском литературном языке.

3. Местоимение имеет следующие разряды: личные, указательные, вопросительные, возвратные, определительные, неопределенные в языке произведений "Йаурупа сәяхәтнамәсе" и "Кырыма сәяхәт" нашли отражение огузские формы личных местоимений *bän, sän, bezem, anlara*, указательных *buraja* 'сюда', *burada* 'здесь', *uraja* 'туда', и 'он, тот, та, то', *bondij, boni*, вопросительных *qaç* 'сколько', *näräjä* 'куда', *nä* 'что', *närädän* 'откуда'. Употребление кыпчакских (татарских) форм личных местоимений *min, sin, bezneñ, anlarda*, указательных *monda, mondij, moni*, вопросительных *niçä, ni* характерно для эпистолярно-публицистического произведения "Истанбул мәктүбләре". Это свидетельствует о близости языка этого произведения с современным татарским литературным языком. Во всех трех произведениях автор использует древнетюркские местоимения *oşbu, anlar*. Это объясняется тем, что в формировании татарского литературного языка сыграли немаловажную роль традиции древнетюркской и уйгурской письменности. Возвратное местоимение *üz*, характерное для "Истанбул мәктүбләре" и огузский вариант этого местоимения *kände*, употребляемого в "сәяхәтнамә", используются автором с их различными вариантами в косвенных падежах.

4. Глагольная система языка в произведениях Ф. Карими имеет следующие категории: залог, аспект, наклонение, время, лицо. Особый интерес вызывают категории лица и наклонения.

4.1. Категория лица в языке изучаемых произведений выражается с помощью I, II, III групп показателей лица. Аффиксы I группы оформляют спряжение глаголов в настоящем и будущем временах изъявительного наклонения. Полные аффиксы лица первых двух чисел генетически восходят к личным местоимениям и внешне похожи на них: *tirişaçaqmin* (И. м. 58, 362) 'я постараюсь', *zavab virermez* (К. с. 27) 'мы ответим'. Аффиксы II группы оформляют спряжение глаголов в формах прошедшего времени изъявительного наклонения и в косвенных наклонениях: *beldenez* (И. м. 1, 6) 'вы узнали', *baqdim* (А. с. 18) 'я посмотрел'. Аффиксы III группы образуют личные формы желательного наклонения: *kilim* (И. м. 58, 263) 'я желаю прийти', *äjtüb ütüm* (И. м. 6, 30) 'скажу-ка я'. Формы аффиксов I-ой группы 1-го лица мн. ч. *-miz/-mez* и II-ой группы 2-го лица ед.ч. *-ñiz/-ñez* – огузские.

4.2. Категория наклонения представлена изъявительным, повелительным, желательным, условным и сослагательным наклонениями.

Изъявительное наклонение.

Настоящее время в произведении "Истанбул мәктүбләре" оформляется аффиксами *-a/-ä, ij/-i* и передает значение длительного действия, происходящего в

момент речи: *Monda anlarğa xäqijr qarijlar, ozaq kötderälär, qatı wä qičqirub däšälär* (И.м. 65, 399) 'Здесь на них смотрят с презрением, заставляют долго ждать, обращаются [к ним] жестоко и с криком'; форма на *-jur/-jür*, выступающая в значении настоящего времени данного момента, характерна для произведений "Йаурупа сәяхәтнамәсе" и "Кырыма сәяхәт": *Paroxod biš säğät miqdar gizäjür* (К.с. 94) 'Пароход идет 5 часов', *qaleblär tulajur* (А.с. 4) 'наполняются сердца'.

Прошедшее время в исследуемых произведениях представлено следующими формами: 1) прошедшее категорическое; 2) прошедшее результативное (неочевидное); 3) прошедшее незаконченное; 4) преждепрошедшее; 5) прошедшее многократное.

1) Прошедшее категорическое время, будучи общетюркской формой, уже в языке орхонских памятников имело формы *-di/-ti* и стало нормой для тюркских (в том числе и для татарского) языков; выражает очевидное, целостное, однократное действие в прошлом. В исследуемых произведениях представлено аффиксом *-di/-de*: *teatr açıldı* (К.с. 55) 'открылся театр', *ber šähär qalmadı* (И.м. 25, 153) 'не осталось ни одного города'.

2) Прошедшее результативное время а) в "Истанбул мәктүбләре" так же как и в современном татарском литературном языке, представлено аффиксами *-qan/-kän, -ğan/-gän*: *kiñäš mäsleşe jasağanlar* (И.м. 58, 364) 'провели совещание', б) в "сәяхәтнамә" оформляется аффиксом огузского типа *-miş/-meş*: *ğadät ulub qalmışdır* (А.с. 36) 'осталось привычкой'.

3) Прошедшее незаконченное время а) так же как и в современном татарском литературном языке в произведении "Истанбул мәктүбләре" образуется присоединением к основе настоящего времени на *-a/-ä, ij/-i* вспомогательного глагола *ide*: *qičqirub eğlij ide* (И.м. 25, 154) 'он громко плакал'; б) в "сәяхәтнамә" ("Йаурупа сәяхәтнамәсе" и "Кырыма сәяхәт") фиксируется в виде формы *-jur/-jür + ide*: *klasslarda äsbab niqadär mökämmäl uldıgını pak äğlä belejür idem* (А.с. 4) 'знал я превосходно, [что у них учебные] принадлежностей такие [отличные], доведенные до совершенства'.

4) Преждепрошедшее время а) в "Истанбул мәктүбләре" имеет форму *-ğan/-gän, -qan/-kän +* вспомогательный глагол *ide* – *-ğan ide*: *udar bulgan ide* (И.м. 25, 154) 'тогда был удар'; б) в "сәяхәтнамә" представлено формой на *-miş ide*: *15 million florından jazılmış ide* (А.с. 155) 'было записано 15 миллионов флоринов'.

5) Прошедшее многократное время в изучаемых произведениях встречается редко; образуется сочетанием аналитической основы причастия настоящего времени на *-a (-ä, -ij, -i)* *torğan* со вспомогательным глаголом *ide*: *-a torğan ide*: *qulından kilmi torğan ide* (И.м. 25, 154) 'у него [тогда] не получалось неоднократно'.

Будущее время.

1) Будущее неопределенное время в исследуемых произведениях представлено формой на *-ar/-är, ir/-er*: *qalebkä meñ törle fikerlär kiler* (И.м. 62, 383) 'на ум придут тысячи разных мыслей', *mäğlumat virelür* (А.с. 7) 'будут даны сведения'.

2) В произведениях так же зафиксированы формы будущего категорического времени, образованного при помощи аффиксов *-açaq/-äçäk*: *Maksim Gorkijniñ "Na dne" isemdäge äsäre ujnalaçaq* (К.с. 52) 'непременно будут ставить произведение Максима Горького "На дне"', *mömkün bulaçaqdır* (И.м. 28, 173) 'непременно будет возможно'.

Повелительное наклонение отмечено во 2-ом лице ед. и мн. ч.: *belder* (И.м. 5, 23) 'дай знать', *çigen* (И.м. 4, 18) 'отступай!', *sälam söjlä* (А.с. 4) 'передай привет', *alıñız* (А.с. 4) 'возьмите'; в 3-ем лице имеет форму на *-sun/-sün*: *jäsäsün, Fransija!* (А.с. 97) 'Пусть живет, Франция!'.

Желательное наклонение представлено 1-м лицом ед. числа, его показателем являются аффиксы *-im/-ijm; -ajim/-äjim*: *kilim* (И.м. 12, 74) 'хочу придти'; *jazub kidäim* (А.с. 18) 'напишу'.

Условное наклонение оформляется формой на *-sa/-sä*: *elegräk jazğan bulsa* (И.м. 12, 79) 'если бы он написал раньше'.

Формы сослагательного наклонения в произведениях оформляются: а) *r + ide*: *artığraq beler ide* (И.м. 25, 154) 'он узнал бы больше'; б) *bulğan bulir ide*: *tä'sirleräk bulgan bulir ide* (И.м. 12, 79) 'было бы впечатлительнее'.

Неличные формы глагола представлены так же множеством разных форм. Причастие в текстах произведений представлено следующими формами:

1) причастие настоящего времени, образовано при помощи аффикса *-uči/-üçe*: *Javrupada jäsäuçe mämläkät* (И.м. 52, 329) 'государство, расположенное в Европе';

2) причастие прошедшего времени образовано при помощи аффикса а) *-ğan/-gän, -qan/-kän* (употребляется в "Истанбул мәктүбләре"): *kilgän keşelär* (И.м. 29, 174) 'пришедшие люди'; б) *-an/-än* (характерно для "сәяхәтнамә"): *satılan şajlar* (А.с. 107) 'предметы, которые были проданы', *uturan xalıqlar* (А.с. 109) 'люди, которые [там] сидели'; в) при помощи аффикса *-diq/-dek*: *gizdekemez jirlär* (А.с. 7) 'земли, которые мы прошли', *fajda itä almadığı* (И.м. 59, 369) 'не принесший пользу'; г) при помощи аффикса *-miş/-meş*, употребляемый в "сәяхәтнамә": *qorılmış dimer küper* (А.с. 7) 'построенный железный мост';

3) причастие будущего времени в произведениях оформляются в виде *-açaq/-äçäk*: *äjtäçäk süzemez* (И.м. 58, 364) 'слова, которые будут сказаны'; *ajaq basaçaq jir* (И.м. 3, 24) 'земля, на которую ступит нога [человека]'.

Деепричастие представлено формами *-ub/-üb*: *kilüb* (А.с. 90) 'приходя', *qıjub* (А.с. 90) 'поставив', *alub* (К.с. 30) 'взяв'.

Формы деепричастия на *-mäjenča/-mäjençä, -mij/-mi* являются отрицательными формами: *barub* (И.м. 8, 46) 'сходив' – *barmajınča* (К.с. 5) 'не приходя'.

Деепричастие на *-ğaç/-gäç* характерно только для произведения "Истанбул мәктүбләре": *açılğaç* (И.м. 5, 23) 'когда открылся', *kilüb kergäç* (И.м. 4, 18) 'когда зашел', *beraz kilgäç* (И.м. 4, 18) 'немного пройдя', *näübät miña zıtkäç* (И.м. 5, 23) 'когда дошла до меня очередь'.

Отрицательная форма деепричастия образуется при помощи аффикса: *-ma/-mä + -ğaç/-gäç*: *barmağaç*.

Имя действия представлено формами а) на *-maq/-mäk*, частое употребление которой характерно для “сэяхетнаме”: *ajlarča säjähät itmäk öcön* (А.с. 3) ‘для того, чтобы путешествовать месяцами’, *uturmaq* (А.с. 110) ‘сидеть’, *sanalmaq* (И.м. 52, 329) ‘считать’; б) в “Истанбул мәктүбләре” фигурирует форма *-u/-ü*: *söküt itüb qalu* (И.м. 55, 351) ‘оставаться в молчании’; в) *-ış/-eş*, *kideş* (К.с. 4) ‘уходить’, *kileş* (А.с. 32) ‘приходить’.

Инфинитив представлен формами *-maga/-mäğä*, *-irga/-erga*. В произведениях “Путешествие в Европу” и “Путешествие в Крым” употребляется форма *-mağä/-mägä*, : *kürmägä* (А.с. 2) ‘видеть’, *ülmaga* (А.с. 25) ‘быть’. В “Истанбул мәктүбләре” употребляется форма: *-irğa/-ergä*, *-arga*: *jazarğa* (И.м. 23, 137) ‘писать’, *kertergä* (И.м. 58, 364) ‘вносить, внести’.

В текстах произведений наблюдаются:

1) наречия образа действия: *bik čiten bulsa da* (И. м. 59, 369) ‘даже если очень будет трудно’, *suğış xəbärlären bik qışqa ğina itüb xökümät rasmän iğlan itä bara* (И.м. 48, 306) ‘Военные известия правительство продолжает объявлять официально вкратце’;

2) наречие времени: *köndez* (И. м. 59, 368) ‘днем’, *ozaq* (А. с. 87) ‘долго’;

3) количественные наречия: *čuq fajda kürdem* (А.с. 153) ‘видел много полезного’, *bik az kebi* (А.с. 3) ‘как будто бы мало’.

Служебные части речи в текстах произведений представлены послелогоми, союзами, частицами. Послелогии: *östendä* (И. м. 58, 362) ‘над’, *başında* (И. м. 52, 362) ‘на’ (послеложное слово), *kebi* (А. с. 56) ‘как будто’, *sonra* (А. с. 116) ‘после’.

Союзы, употребляющиеся в произведениях, разделяются на две группы: подчинительные и сочинительные; последние в свою очередь делятся на собирательные, разделительные и противительные.

В текстах исследуемых произведений встречаются частицы и модально-сказуемые слова.

Таким образом, грамматические категории, нашедшие отражение в языке произведений “Истанбул мәктүбләре” в значительной степени близки к современному татарскому языку. В языке приведений “Йаурупа сэяхетнамәсе”, “Кырыма сэяхэт” автор широко использует огузские формы, что отдаляет язык “сэяхетнаме” от современного татарского литературного языка.

В третьей главе приводится лексико-семантическая и стилистическая характеристика “сэяхетнаме” и эпистолярно-публицистических произведений Фатиха Карими.

1. В работе тюрко-татарская часть лексики исследуется в двух планах:

1.1. Используя лингвистические методы, проводится сравнительно-исторический анализ в именной и глагольной части тюрко-татарских слов. В сравнительном плане лексика произведений Ф. Карими рассматривается с древними тюркскими письменными памятниками, а также современными тюркскими языками. Например: слово *aj* ‘луна’, ‘месяц’. У Ф. Карими *aj* ‘минарет’: *manara başına qujılaçaq ajlar* (К. с. 10) ‘месяцы, которые должны воздвигнуть на минарет’. Это

слово употребляется и в значении месяц (часть года): *här aj başında* (К.с. 36) ‘в начале каждого месяца’. В древнетюркском языке слово *aj*¹ обозначает 1) ‘месяц’, ‘луна’ (светило); 2) ‘месяц’ (мера времени): *aniñ atı ajdın josuldi* ‘его имя вычеркнуто (букв. стерто) из реестров’; то же в словаре Л. З. Будагова² *aj* ‘луна’, ‘месяц’; в таком же значении это слово дается в этимологическом словаре татарского языка.³

Глагол *-al* в древнетюркском языке имеет много значений, например: ‘брат’, ‘взять’, ‘принимать’, ‘выбирать в жены’ и др. В старотатарском языке слово *al* употребляется в тех же значениях, что и в древнетюркском. Например, польский тюрколог А. Зайончковский в своем словаре к произведению “Хосрав ва Ширин” фиксирует *al* в значении ‘брат’⁴. В значении ‘захватить’ и других значениях это слово употребляется в текстах произведений Ф. Карими: *Istanbulni üzenen quçağına alğan* (И. м. 64, 394) ‘Он захватил Стамбул в свои объятия’. В современном татарском языке глагол “ал” имеет более 32 значений, таких как ‘брат’, ‘взять’, ‘захватить’ и др.⁵ Таким же образом в данной работе проводится сравнительно-исторический анализ и других имен и глаголов: *ağaç*, *at*, *ata*, *ajaq*, *äl*, *baj*, *bala*, *uğil*, *kön*, *qiz*; *it-*, *añla-*, *kür-*, *qajt-*, *bel-*, *čiq-*, *aşa-*, *kičer-*, *telä-* и др.

Результаты исследования словарного состава прозаических произведений Ф. Карими показывают его устойчивость и преемственность. Большинство тюрко-татарских слов сохранилось в тех же значениях и в современном татарском литературном языке. Наряду с ними, есть целый ряд слов, перешедших в разряд архаизмов: *äl* ‘рука’, *bäk* ‘бек’, *morza* ‘мурза; *uğraş-* ‘затрачивать много сил’, *baq-* ‘смотреть’ и др. Наблюдаются слова, сохранившиеся в современном татарском литературном языке, но употребляющиеся в несколько измененном виде в плане фонетики, например: *tağ* ‘гора’, *uğil* ‘сын’, *eğla-* ‘плакать’, *ügrät-* ‘обучать’.

1.2. Приводится деление субстантивной тюрко-татарской лексики по семантическим группам:

а) термины родства и родственных отношений по крови: *ata* (К.с. 13) ‘отец’, *ana* (А.с. 143) ‘мать’, *uğil* (К.с. 13) ‘сын’, *qiz* (К.с. 15) ‘дочь’, *bala* (А.с. 30) ‘дитя’; и термины родства по браку *kijaw* (К.с. 73) ‘зять’, *qiz* (К.с. 73) ‘невеста’, *ir* (К.с. 23) ‘муж’, *abistaj* (К.с. 56) ‘жена муллы’ и др;

б) названия частей человеческого тела: *ajaq* (А.с. 67) ‘нога’, *baş* (А.с. 67) ‘голова’, *kükrağ* (К.с.100) ‘грудь’, *küz* (И.м. 4, 18) ‘глаз’;

в) одежда: *bürek* (А.с. 67) ‘шапка’, *čitek* (А.с. 23) ‘сафьяновые сапоги’, *käweş* (А.с. 23) ‘башмачки’ (национальная обувь);

¹ Древнетюркский словарь. Академия наук СССР. - Л.: Наука, 1969. - С. 24-25.

² Будагов Л. З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Том I. - СПб: Типография имп. Акад. наук, 1869. - С. 171.

³ Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). - М.: Наука, 1974. - С. 98-100.

⁴ Zajączkowski Ananiasz. Najstarsza wersja turecka Husräv u Širin Qutba. Czesc III. Słownik. - Warszawa, 1961. - С. 7.

⁵ Толковый словарь татарского языка. В 3-х томах. Том I. Казань: Тат. книж. изд-во, 1977. - С. 52.

г) продукты питания, напитки: *on* (К.с.52) 'мука', *qimiz* (к.с. 52), *ečemlek* (К.с. 52) 'напиток', *alma* (К.с. 52) 'яблоко', *čijä* (К.с.52) 'вишня', *čikläwek* (К.с. 32) 'орехи';

д) труд, строительство, хозяйство: *jomiš* (К.с. 27) 'поручение', *eš* (К.с. 30) 'дело, труд';

е) мир природы: *aj* (И.м. 59, 368) 'луна', *jir* (А.с. 29) 'земля', *taš* (И.м.7, 100) 'камень', *tağ* (К.с. 77) 'гора', *su* (К.с. 32) 'вода', *jul* (К.с. 10) 'дорога', *qojaš* (И.м. 59, 368) 'солнце', *künäš* (К.с. 2) 'солнце', *tötön* (К.с. 38) 'дым', *bolot* (И.м. 2, 9) 'облако', *ağaç* (И.м. 4, 18) 'дерево';

ж) абстрактные слова: *künjel* (К.с. 105) 'сердце, настроение', *üpkä* (К.с. 50) 'обида, недовольство', *šatliq* (К.с. 33) 'радость', *čidamliq* (К.с. 37) 'терпение', *sul* (К.с. 65) 'левый', *küreneš* (К.с. 4) 'явление';

з) слова, обозначающие время: *kön* (И.м. 4, 18) 'день', *kič* (И.м. 4.18) 'вечер', *kičä* (К.с. 4) 'вчера', *jil* (К.с. 103) 'год', *jaz* (К.с. 33) 'весна', *köndöz* (К.с. 74) 'днем', *köz* (К.с. 33) 'осень', *qiš* (А.с. 140) 'зима'.

Многие писатели в конце XIX - начале XX вв., такие как З. Бигиев, М. Акджигит и др., писали свои произведения на языке, приближенном к турецкому. В исследуемых произведениях Ф. Карими широко использует турецкую лексику: *köçök* (А.с. 133) 'маленький', *xiš käldeñez* (А.с. 45) 'добро пожаловать', *suqaq* (А.с. 72) 'улица', *käs* (А.с. 73) 'человек', *čiuq* (А.с. 146) 1) 'много', 2) 'очень', *babačigim* (И.м. 7, 99) 'мой папенька', *ajaq qablari* (А.с. 67) 'обувь' и др.

В изучаемых произведениях наблюдается обильное употребление арабских и персидских заимствований. С древних времен развитие торговых и культурных отношений со странами Ближнего Востока является важным фактором обогащения татарского литературного языка арабскими и персидскими заимствованиями. В начале X века положительную роль сыграло в этом процессе официальное принятие ислама в Булгарском государстве Поволжья. Арабизмы и фарсизмы в начале широко употреблялись в письменном литературном языке, затем проникли в устно-разговорную речь.

В словарном составе, изучаемых произведений Ф. Карими выделены следующие тематические группы имен, заимствованных, из арабского и персидского языков:

1. Человек, его деятельность (характер, эмоции, чувства, переживания). Эта группа включает в себя несколько подгрупп: а) человек: *insan* (И.м. 1, 6) 'человек', *isem* (И.м. с.б., 4) 'имя'; б) слова, которые обозначают отношение между людьми: *dust* (И.м. 1, 6) 'друг', *ğailä* (И.м. 44, 271) 'семья', *söxbät* (И.м. 53, 337) 'общение', 'дружба', *nikjax* (К.с. 17) 'женитьба', 'брак'; в) слова, выражающие качества людей (эмоции, чувства, переживания): *häjlä* (И.м. 1, 6) 'хитрость', *xoliq* (И.м. 1, 7) 'характер', *ixtijar* (И.м. 4, 19) 'воля', *namus* (И.м. 4, 19) 'честь', *ğajeb* (И.м. 1, 7) 'вина', г) деятельность человека: *xidmät* (И.м. 1, 6) 'труд', 'дело', *istiğdäd* (И.м. 1, 7) 'талант', *wazijfä* (И.м. 25, 152) 'должность', 'обязанность'; д) вид и образ человека,

части тела: *zisem* (К.с. 4) 'тело', *qaleb* (К.с. 20) 'сердце', *šäkel* (И.м. 1, 4) 'форма', *ğasab* (И.м. 1, 6) 'нерв'.

2. Писательская деятельность, литература, печать, слова, связанные с издательским делом: *möhärrir* (И.м. 1, 6) 'журналист', 'писатель', 'редактор', 'автор', *moxbir* (И.м. с.б., 6) 'корреспондент', 'редактор', *risalä* (И.м. с.б., 4) 'письмо', *abu-l-möhärririn* (А.с. 144) 'глава писателей ('отец писателей')', *ärbab-e-qaläm* (А.с. 188) 'владельцы пера', т.е. 'писатели'.

3. Лексика, связанная с образованием, наукой и учебой: *mäğarif* (А.с. 153) 'образование', 'просвещение', *däres* (И.м. 1, 6) 'урок', *tärbijät-el-ätfal* (А.с. 133) 'воспитание детей', *mädräsä* (И.м. 1, 7) 'школа'.

4. Религиозная лексика: *islam* (И. м. 1, 5) 'религия ислам', *muselman* (И. м. 1, 5) 'мусульманин', *din* (И. м. 1, 6) 'вера', *šäjx-el-islam* (И. м. 22, 136) 'главный толкователь религиозного закона', *wallahi* (И. м. 25, 156) 'ей-богу', *kjağbä* (И. м. 44, 274) 'Кааба (мусульманский храм в г.Мекке)',

lä xäwlä wä lä quwwätä illä billä (50, 318) 'на все воля божья (букв. нет могущества и силы кроме Аллаха)'.

5. Общественно-политическая лексика: *solix* (И.м. с.б., 3) 'перемирие, мир', *qarar* (И.м. с.б., 3) 'решение, постановление', *šura* (И.м. с.б., 4) 'совет', *mölkijä* (А.с. 34) 'правлящие круги', *padišah* (И.м. 45, 289) 'царь, король, шах', *xäkim* (И.м. 15, 93) 'правитель, губернатор', *šahzadä* (И.м. 45, 289) 'царевич, принц'.

6. Бытовая лексика: *käläpüş* (К.с. 12) 'тюбетейка (головной убор)', *çam* (А.с. 7) 'чаша, посуда, сосуд', *xajwan* (А.с. 183) 'животное', *qarjā* (А.с. 52) 'деревня', *ğoref* (А.с. 58) 'обряд, традиция, обычай'.

7. Термины, относящиеся к измерению времени и явлениям природы: *ğasir* (И.м. 2, 10) 'век, столетие', *sänä* (И.м. с.б., 3) 'год', *ğam* (А.с. 183) 'год', *waqit* (И.м. с.б., 3) 'время', *näher* (А.с. 5) 'река'.

8. Юриспруденция: *dälil* (И.м. 51, 325) 'доказательство', *täkzib* (И.м. 48, 307) 'опровержение', *qanun* (31, 189) 'закон', *mäs'ulijät* (47, 300) 'ответственность', *täftiš* (10, 61) 'расследование'.

9. Торгово-промышленные и финансовые термины: *qijmät* (И.м. 70, 436) 'цена', *ximajä* (И.м. 7, 37) 'спонсор', *faiz* (И.м. 51, 325) 'процент', *däfğa* (И.м. 25, 156) 'платеж', *säüdägär* (И.м. 1, 7) 'торговец, купец', *säüdä* (И.м. 1, 7) 'торговля'.

10. Военная лексика: *došman* (И.м. 10, 61) 'враг', *ğaläbä* (И.м. 21, 129) 'победа', *ğäskär* (И.м. 1, 6) 'войско', *äsir* (И.м. 5, 24) 'пленный', *möxaräbä* (И.м. 4, 20) 'война'.

11. Медицина: مخدرات *möxaddirat* (И.м. 52, 328) 'анестезирующие средства, наркотики', طبيب *tabib* (И.м. 41, 250) 'доктор, врач', حفظ *xijfz* (И.м. 41, 251) 'сохранение, защита', صحة *sixxät* (А.с. 94) 'здоровье'.

12. Абстрактная лексика: معجزه *mögzizä* (И.м. 38, 229) 'чудо', فرصت *forsat* (И.м. 42, 257) 'удобный случай', حاصل *xasijl* (И.м. 44, 280) 'результат', رحمت *räxmät* (И.м.с.б.з) 'милосердие', 'благодарность', سكينه *säkinä* (А.с.33) 'спокойствие', 'тишина', مزاح *mözah* (А.с.18) 'шутка', 'смех', 'юмор'.

Часть заимствований арабо-персидской лексики изучаемых произведений активно употребляется в современном татарском литературном языке: *waqit, däres, baxet, xaliq, mägnä, häm, xat, islam, дәлил* и т.д., немалое количество из этих заимствований составляет пассивный фонд словарного состава *läzzät* 'наслаждение', 'вкус', *solix* 'перемирие'. Большая часть арабо-персидских слов не сохранилась в современном татарском литературном языке: *lisan* 'язык', *äfarin* 'Браво!', *zäwez* 'муж', *bäradär* 'брат', *kälisä* 'церковь' и др.

В исследуемых произведениях употребляются заимствованные сложные слова, последний компонент которых является словами – *xanä*, – *namä* персидского происхождения, а первым компонентом слова может быть:

а) арабо-персидское заимствование: *حبسخانه xibesxanä* (И.м. 7, 34) 'тюрьма', *تاماشاخانه tamašaxanä* (А.с. 164) 'театр';

б) тюркское слово: *اشخانه ašxanä* (А.с. 168) 'столовая', *چايخانه čajxanä* (А.с. 168) 'дом чая';

в) русское, западноевропейское слово: *پوچتهخانه počtaxanä* (И.м. 22, 135) 'почта', *قونسولخانه konsulxanä* (И.м. 19, 122) 'консульство'.

Из текстов произведений в диссертации приводятся примеры имен прилагательных, заимствованных из арабского и персидского языков. "Множество глагольных форм арабского языка (масдары, причастия действительного и страдательного залогов) воспринимаются в татарском языке как имена существительные или имена прилагательные".¹ Это подтверждается нашими примерами из произведений Ф. Карими: *iltizam* (И.м. 47, 300) 'принятие на себя обязательства', *täğajen* (И.м. 38, 229) 'подготовка', *maxsus* (А.с. 117) 'специальный', *möljajem* (И.м. 2, 9) 'мягкий, нежный', *zahir* (И.м. 1, 7) 'ясный, очевидный', *matlab* (И.м. 1, 6) 'желаемый, требуемый', *möxärräm* (К.с. 80) 'запретный, запрещенный'. Арабские масдары и причастия, усвоенные татарским языком виде имен существительных сочетаются с татарскими вспомогательными глаголами *it-* 'делать', *bul-* (*ul-*) 'быть'. Примеры из исследуемых произведений: *täğajen itelgän* (И.м. 38, 229) 'подготовлен', *iltizam itüem* (И.м. 47, 300) 'принятие моих обязательств'.

Относительные прилагательные образуются в татарском языке посредством присоединения к именам существительным окончаний – *i*: *علم gijlem* 'наука' – *علمي gijlmi* (И.м. 25, 154) 'научный', *ابتداء ibtida* 'начинание' – *ابتدائي ibtidai* (И.м. 4, 19) 'начальный', *عصب ğasab* 'нерв' – *عصبي ğasabi* (И.м. 50, 315) 'нервный'.

По типу относительных прилагательных образуются имена относительные, обозначающие происхождение из какого-либо города или местности, принадлежность к какой-либо местности¹: *اجنبي äznäbi* (А.с. 96) 'чужеземец, иностранец', *فارسی farsī* (А.с. 95) 'перс'. В текстах произведений даются прилагательные персидского происхождения: *سربست sərbäst* (К.с. 15) 'свободный, вольный', *درست dörest* (И.м. 7, 37) 'правильный'.

Заимствованные имена прилагательные и причастия выполняют функцию признака предмета, а также субстантивирясь, употребляются в качестве имени собственного. Например: *احمد axmäd* (И.м. 7, 23) 'самый похвальный', 'Ахмед', *کامل kjämil* (И.м. 5, 23) 'совершенный, полный', 'Камиль'. Примеры имен собственных² из изучаемых произведений: *جبرائیل zäbrail* (И.м. 1, 7) 'Джабраил (архангел Гавриил)', *يوسف josif* (И.м.) 'красивый, привлекательный', 'Иусуф (имя пророка Иосифа)', *جلال ğälal* (И.м. 49, 314) 'величие, блеск, великолепие', 'Джалал' – от гл. *جل ğällä*: 1) 'быть великим, величественным, могущественным'; 2) 'Великий (эпитет Аллаха)'.

В произведениях Ф. Карими встречаются арабские обстоятельственные обороты с предлогом: *بالفعل bi-l-fiğil* 'фактически', 'на деле', (например: *ämma bi-l-fiğil ğämälgä qujela almij* (И.м. 70.436) 'однако фактически на практике не осуществляется').

Приведены заимствованные арабские персидские беспредложные определительные словосочетания, построенные по моделям:

1) персидского изафета *اداره عسکرية idarä-i-ğäskärijä* (И.м. 41, 254) 'армейское управление (управление армией)', *قلعه سلطانية qalğa-i-soltanijä* (И.м. 18, 113) 'султанская крепость';

2) арабского изафета *دارالفنون dar-el-fönun* (И.м. 49, 310) 'университет', ('дом знаний'), *دارالشفقة dar-äš-šäfäqa* (И.м. 25, 152) 'дом сострадания', *هلال احمر hilä-e-axmar* (И.м. 4, 18) 'организация Красного полумесяца'.

3) тюркского изафета, оба компонента, которых являются арабскими заимствованиями: *حرجيه ناظرتي härizijä näzaräte* (И.м. 48, 307) 'министерство иностранных дел', *حربيه ناظرتي härbijä näzaräte* (И.м. 7, 37), 'министерство военных дел'.

Встречаются заимствованные арабские сложные слова, в середине которых употребляется артикль – *al*: *فوق العاده fäwq-il-gada* (А.с. 109) 'необычайный', 'чрезвычайный'.

¹Зайнуллин Г.Г. Татарская богословская литература XVIII - начала XX веков и ее стиле-языковые особенности: Автореф. дис... в виде научного доклада... доктора филол. наук. - Казань, 1999. - С. 91.

¹Иванов С.М. Арабизмы в турецком языке. –Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1973. -61с.

²Саттаров Г.Ф. Татар исемнәре ни сөйли? – Казан: Раннур, 1998. –255 с.

В исследуемых произведениях наблюдается широкое употребление русских и западноевропейских заимствований, которые для наглядности были разделены на следующие семантические группы: 1) лексика, относящаяся к повседневной жизни людей; 2) военная лексика; 3) экономика и юриспруденция; 4) образование и наука; 5) литература и журналистика; 6) люди, профессии, титулы, великие люди; 7) культура и искусство; 8) промышленность и предприятия; 9) медицина; 10) общественно-политическая лексика; 11) религиозная лексика; 12) время, мера, название месяцев.

Для выявления частоты употребления арабо-персидских, русских и западноевропейских заимствований в произведениях Фатиха Карими „Путешествие в Европу”, „Путешествие в Крым”, „Письма из Стамбула” мы провели статистический анализ. В результате нашего исследования мы пришли к следующему выводу: общий фон произведений составляют тюрко-татарские слова (60%), арабо-персидская лексика употребляется в два раза меньше (около 30 %), а русские и западноевропейские заимствования – около 10%.

В языке изучаемых произведений Ф. Карими широко использует слова в переносном значении, такие как метонимия, метафора, эпитет, сравнение, которые активно употреблялись многими авторами того периода. Например: *suğış jirenä* „*Waqıtqa*” *möxbirlek kilu* ‘на войну в качестве корреспондента’; *jänä jijilğan küjellelär* ‘новоприбывшие добровольцы’; *tämle telle greklar* ‘греки, которые сладко говорят’; *čäčäk tösle güzäl qip-qizil fäslär, ap-aq čalmalar wä sorı ğäskäri büreklär* ‘красивые как цветы красные – прекрасные фески (головные уборы), белые-белые чалмы и серые военные шапки’.

Наблюдается употребление фразеологизмов, крылатых выражений и афоризмов: *küz jomib ačqanči Samarada buldıq* ‘не успели оглянуться, как оказались в Самаре’; *jul azabı ğür ğazabı* (К.с. 4) букв. ‘Муки путника – муки ада’.

В тексте произведений отмечено множество синонимов, антонимов, омонимов и парных слов, которые являют собой важный способ для достижения художественности и точности речи: *jijdek – ašadıq, jöz – čahrä; köčök – zur, awir – zinel; var* ‘есть’ – *var* ‘идти’, *jäš* ‘слеза’ – *jäš* ‘годы, возраст’; *čitek – käweš, dörlö – dörlö, čäj – šikär, bujau – fälän*.

Наблюдаются примеры полисемии. Например, слово *jir* в значении ‘земля’ приобретает новые понятия: 1) *jir* в значении *urın* ‘место’: *šähärneñ bašqa jirlärendä* (А.с. 17) ‘в других местах города’; 2) *jirenä* заменяется словом *urınına*, т.е. *jirenä* употребляется в значении ‘вместо’: *Jağkub Sölajman jirenä – Jağkub Sergejevič* (А.с.8) ‘вместо Якуба Сулеймана – Якуб Сергеевич’ и др.

Словарный состав произведений Ф. Карими богат и разнообразен. Основные лексические категории исследованных произведений употребляются и по сей день в современном татарском языке.

Заключение содержит краткие выводы исследования.

1. Во II-ой половине XIX и начале XX вв. в татарском литературном языке наступает качественно новый этап, характеризующийся сближением фонетических,

грамматических и лексических норм с живой народной речью, что является одной из важных закономерностей литературного языка этого периода. Огромная роль в выработке и утверждении норм татарского литературного языка принадлежит Ф. Карими писателю, просветителю, общественному деятелю, журналисту, педагогу, переводчику, знатоку многих языков. Он создал художественные, публицистические и эпистолярные произведения, возродил особый жанр, который называется „сэяхетнаме”.

2. „Сэяхетнаме” – прозаическое произведение, посвященное путешествию, в другом смысле путевые очерки. В этом жанре Фатих Карими пишет произведения „Путешествие в Европу”, „Путешествие в Крым” и „Письма из Стамбула”. Произведение „Письма из Стамбула” совмещает в себе два стиля: эпистолярный и публицистический.

3. Анализ фонетической системы показывает, что в произведениях сохраняется традиционная орфография, характерная татарскому литературному языку.

В языке произведений соблюдаются небная и губная гармонии, что характерно для современного татарского языка. В системе вокализма нашли отражение девять гласных, такую же систему мы наблюдаем и в современном татарском языке.

В „сэяхетнаме” наблюдается широкое отражение огузских элементов: [v] вместо [b] (*var//bar*), [d] вместо [t] (*dügel//tügel*), [b] вместо [m] (*bän//min*) и т.д. В языке „Истанбул мәктүбләре” преобладают кыпчакские формы. В исследуемых произведениях наблюдаются письменные традиции старотатарского литературного языка, обнаруживаются особенности огузской группы тюркских языков, а также прослеживается арабское и персидское влияние.

4. В грамматических категориях кыпчакские формы характерны в большей части для языка „Истанбул мәктүбләре” („Письма из Стамбула”) – это произведение более приближено к современному татарскому языку. В „сэяхетнаме” автора („Путешествие в Европу” и „Путешествие в Крым”) ярче выражены формы, характерные огузской группе тюркских языков.

В конце XIX и начале XX вв. в словарном составе татарского литературного языка наблюдаются большие изменения. Нормы литературного языка сближаются с живой народной речью, что является одной из важных закономерностей развития языка этого периода. Это непосредственно отражается в лексических нормах того времени. Основной фонд лексики произведений Ф. Карими „Путешествие в Европу”, „Путешествие в Крым” и „Письма из Стамбула” составляют тюркские слова. Многие лексические единицы древнетюркского языка не подверглись большим фонетическим и семантическим изменениям и в современном татарском языке сохраняют свои прежние значения.

Значительное место в исследуемых произведениях занимают заимствования. В результате проведенного нами статистического анализа установлено, что основной

фон произведений составляют тюрко-татарские слова (60%), арабо-персидская лексика (около 30 %), а русские и западноевропейские заимствования – около 10%.

Большое место занимают слова переносного значения. Нами рассмотрены метонимия, метафора, эпитет, сравнение, фразеологизмы, полисемия, синонимы, антонимы, омонимы.

В языке произведений Фатиха Карими отражается качественно новый этап, характеризующийся сближением лексических, фонетических, грамматических норм языка с живой народной речью, что является закономерностью развития языка конца XIX - начала XX вв. Как просветитель и писатель Фатих Карими внес значительный вклад в развитие и разработку норм татарского литературного языка.

Основные положения диссертации нашли отражение в следующих публикациях:

1. Арабские заимствования в сопоставительном плане с татарским языком (по произведению Ф. Карими “Письма из Стамбула”) // Актуальные проблемы сопоставительного языкознания и межкультурные коммуникации. Материалы научной конференции ч.1. Уфа, 1999.- С. 58-60.

2. Ф. Кәриминен сәяхәтнамәләрендә һәм “Истанбул мәктүбләрендә” тел үзенчәлекләре (Языковые особенности в “сәяхәтнамә” и “Письмах из Стамбула” Ф. Карими) // Татарский язык, литература, история – прошлое и настоящее. – Казань, 2000. - С.404-410.

3. Ф. Кәриминен “Истанбул мәктүбләрендә” графо-фонетик һәм лексик үзенчәлекләр (Графо-фонетические и лексические особенности в “Письмах из Стамбула” Ф. Карими) // Вопросы языка, литературы и народного творчества. Сборник аспирантских работ. – Казань: Фикер, 2000. – С. 39-40.

4. Ф. Кәриминен ижтимагый-публицистик һәм эпистоляр әсәрләрендә сәнгатьле тел-стиль чаралары (Художественно-выразительные средства в общественно-публицистических и эпистолярных произведениях Ф. Карими) // Ученые записки. КГУ. – Казань: РИЦ “Школа”, 2002. – С. 316-320.

5. Лексические и грамматические особенности “сәяхәтнамә” и эпистолярных произведений Ф. Карими // Научный сборник Института востоковедения. – Казань: КГУ, 2002. - С. 64-73.

